

Как построить Большое евразийское партнерство?

How to Build a Great Eurasian Partnership?

Пандемия коронавирусной инфекции четко разграничила эпохи мирового социально-экономического развития, резко ускорив переход к новому технологическому и мирохозяйственному укладам. В наиболее уязвимом и, как итог, пострадавшем положении оказались промышленность и страны, составляющие ядро уходящих 5-го технологического и имперского (американоцентричного) мирохозяйственного укладов, в то время как страны, образовавшие ядро новых 6-го технологического и интегрального мирохозяйственного укладов, стали локомотивами экономического роста. При общем падении экономической активности в мире на 3,8% в постоянных ценах масштабы применения нано-, биоинженерных и аддитивных технологий существенно выросли. На фоне резкого падения ВВП стран ядра уходящего мирохозяйственного уклада (США на 3,5%, ЕС — 6,2%) ВВП КНР, формирующей ядро нового мирохозяйственного уклада, вырос по итогам 2020 г. на 2,3%. Несмотря на противодействие США, доля Китая в мировой торговле выросла на 1,7% в мировом экспорте, 0,9% в мировом импорте, 1,3% в мировом товарообороте. В разгар пандемии КНР с соседними странами сформировали Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство, ставшее крупнейшим в мире региональным объединением стран с преференциальным торговым режимом. Центр развития мировой экономики окончательно переместился в Юго-Восточную Азию.

Соответственно, изменилась и структура внешних связей ЕАЭС, переориентировавшись с Запада на Восток. Доля ЕС во внешнеторговом обороте государств ЕАЭС сократилась в 2020 г. до 31,3% против 35,6% в 2019 г., в то время как доля стран — членов указанного партнерства выросла до 25,7% против 24,2% в 2019 г. (если бы не пандемийные ограничения, то показатели роста были бы еще более ощутимыми). Если условия торгово-экономического сотрудничества со странами ядра уходящего мирохозяйственного уклада последовательно ухудшаются (после антироссийских санкций в прошлом году были введены антибелорусские, еще более сократилась торговля с Украиной, контролируемой спецслужбами США и Великобритании), то со странами ядра нового мирохозяйственного уклада становятся все более благоприятными:

- вступило в силу Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР;
- сформированы зоны свободной торговли с Вьетнамом, Сингапуром и Сербией;
- с Ираном у Союза соглашение, ведущее к созданию зоны свободной торговли (далее — ЗСТ);
- готовятся ЗСТ с Индией, Израилем и Монголией;
- имеются меморандумы с правительствами государств Евразии (Греция, Монголия, Камбоджа, Сингапур, Бангладеш, Иордания, Таиланд, Индонезия).

Партнерство России и других государств ЕАЭС с КНР продемонстрировало устойчивость к социально-экономическим последствиям пандемии. Доля КНР во внешнеторговом обороте ЕАЭС увеличилась за 2020 г. на 1,6%. В первом квартале этого года по сравнению с соответствующим периодом 2020 г. прирост товарооборота составил 4,4 млрд долл. США, что эквивалентно росту доли КНР в торговле ЕАЭС на 1,4% (с 16% до 17,4%). Предстоит приложить усилия для возобновления устойчивого инвестиционного процесса: несмотря на последовательные капиталовложения Китая в экономику государств ЕАЭС в предшествующий период, 2019 и 2020 гг. ознаменовались оттоком китайских инвестиций, что лишь отчасти обусловлено сворачиванием деловой активности вследствие эпидемиологических ограничений. Куда более весомым фактором фактической постановки инвестиций на паузу являются сугубо внутренние макроэкономические дисбалансы, устранение которых вкуче с формированием ясного и долгосрочного инвестиционного профиля ЕАЭС (портфеля реализуемых в кооперации проектов) позволит реализовать

политику финансового форсажа в интересах союзной промышленности, повысив тем самым инвестиционную привлекательность Союза.

Ведь на фоне повсеместного падения, как было подчеркнуто выше, в лидеры роста вырвался именно Китай, чья модель мобилизации ресурсов для выхода из кризисных ситуаций и повышения всеобщего благосостояния лишней раз доказала свою жизнеспособность. Поднебесная и другие страны, внедряющие институты и механизмы управления нового мирохозяйственного уклада, демонстрируют ускорение развития экономики — не только в Азии, но и на других континентах, включая Африку. Например, Эфиопия три года назад неожиданно вышла на первое место в мире по темпам экономического роста, что стало результатом применения этим государством китайских методов управления. Или Индия, которая при отличной от китайской общественно-политической формации использует аналогичные институты и механизмы управления развитием экономики, создавая свою систему конвергентной (интегральной) экономики.

Понимая закономерности замещения мирохозяйственных укладов и имея эмпирические подтверждения эффективности институтов, свойственных новому укладу, мы не можем не учитывать китайский опыт, а также модель широкого международного недискриминационного сотрудничества в соответствии с идейными основами, заложенными в концепции «Один пояс — один путь». ЕАЭС и «Один пояс — один путь», в рамках предложенной президентом России идеи Большого евразийского партнерства (БЕП), рассматриваются как сопряженные между собой и дополняющие друг друга интеграционные проекты. Целесообразно, на мой взгляд, идти дальше и создавать у себя институты и механизмы управления нового мирохозяйственного уклада. Тем более что та же китайская модель суть производная от советской. Осмыслив и адаптировав последнюю, удалось сформировать такую систему институтов и управления, которая гармонично сочетает в себе социалистическую идеологию и дающие свободу частному предпринимательству рыночные механизмы.

Нельзя не признать, что в последние годы сотрудничество с Китаем как на двусторонних треках, так и по линии заключенного Соглашения с ЕАЭС укрепилось¹. Так, между Россией и КНР, хоть и весьма замедленно, развивается трансграничное инфраструктурное сотрудничество: расширяются транспортные каналы, становится более интенсивным обмен специалистами и технологиями, существенно активизируется двустороннее многопрофильное взаимодействие. Функционируют шесть специализированных транспортных «коридоров», из них «Экономический пояс Шелкового пути», Российско-китайско-монгольский экономический коридор и Новый евразийский континентальный мост непосредственно проходят через Россию, соединяя Китай, Центральную и Западную Азию. Восточный, центральный и западный участки железнодорожного сообщения между Китаем и Европой проходят через Россию. Активизировалось взаимодействие по вопросам строительства и развития «Ледяного Шелкового пути». Аналогичные проекты в области сооружения транспортных артерий, инфраструктуры, технопарков затрагивают экономические интересы других государств — членов ЕАЭС.

Экономическое сотрудничество ЕАЭС и КНР только выиграло бы от избавления его от ненужной бюрократической атрибутики и обременений, тормозящих реализацию совместных крупномасштабных программ. Ведь именно от таковых в конечном счете зависит проектное насыщение идеи сопряжения евразийской интеграции и «Одного пояса — одного пути», а также реализуемость замысла по формированию БЕП как широкой зоны гармоничного сотрудничества евразийских держав, разделяющих принципы интегрального мирохозяйственного уклада.

На сегодня очевиден тот факт, что результаты реализации проектов, направленных на практическое воплощение идеи сопряжения ЕАЭС и концепции «Один пояс — один путь», пока не принесли ожидаемых результатов: они имеют весьма ограниченное воздействие, особенно в части реализации евразийских региональных проектов в сфере инфраструктурного строительства. Доля российских инвестиций в общем объеме вложений в Китай и в реализацию инициативы «Один пояс — один путь» (ОПОП) мизерна. Имеются возможности для их существенного расширения в указанной области, тем более в кон-

¹ Глазьев С., Ершов М., Агеев А. Вопросы и состояние процессов сопряжения евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс — один путь» в представлениях Китая и России. Доклад. М. : ИНЭС, 2019.

тексте того, что со стороны Китая идет колоссальный поток финансирования инвестиций в нужные для развития китайской экономики международные проекты. На конец 2019 г. накопленные инвестиции Китая в страны — участницы ОПОП превысили 110 млрд долл. США, что составляет порядка 40% прямых иностранных инвестиций Китая в третьи страны. Только за первые шесть месяцев 2020 г. объем китайских нефинансовых инвестиций в 54 странах мира, расположенных вдоль ОПОП, достиг 57,1 млрд юаней (около 8 млрд долл.), что на 23,8% больше по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. Инвестиции в основном направлялись в Сингапур, Индонезию, Лаос, Камбоджу, Вьетнам, Малайзию, Таиланд, ОАЭ и Казахстан.

В целом страны ЕАЭС аккумулируют только 0,7% накопленных китайских инвестиций. Согласно статистике платежного баланса, запас прямых иностранных инвестиций (далее — ПИИ), накопленных в экономиках стран ЕАЭС, на конец 2019 г. составлял 749,1 млрд долл., из которых только 1,6% или 12 млрд долл. — прямые инвестиции Китая¹. Тем не менее динамика ПИИ из Китая в страны ЕАЭС указывает на рост их накопления после кризисных 2015–2016 гг., что связано с увеличением в 3–3,5 раза накопленных ПИИ в Казахстане. Самые крупные проекты китайских ПИИ связаны с добычей углеводородов и их транспортировкой по магистральным трубопроводам.

Объем накопленных ПИИ из Китая в Россию на конец 2019 г. составлял 3,7 млрд долл. или 0,6% от совокупного объема поступивших ПИИ. Россия является вторым крупным реципиентом китайских инвестиций в ЕАЭС после Казахстана, аккумулируя 31% от общего объема китайских ПИИ.

Прямые инвестиции из государств — членов ЕАЭС в Китай значительно уступают китайским инвестициям в страны ЕАЭС. Объем инвестиций из Казахстана в Китай в 43 раза меньше китайских; по состоянию на 1 января 2020 г. их накопленный объем составил 181,5 млн долл. США². При этом казахстанские инвестиции более диверсифицированы: транспорт (45% накопленных инвестиций), черная и цветная металлургия, оптовая и розничная торговля, топливный комплекс, инфраструктура³.

Объем российских инвестиций в китайскую экономику в девять раз меньше китайских в российскую экономику — 752,1 млн долл. в 2019 г. (включая Гонконг), что составляет всего 0,15% от совокупного запаса российских ПИИ в мире⁴. Основные направления российских инвестиций в Китае — производственная отрасль, строительство, транспортные перевозки.

Таким образом, приходится констатировать, что инвестиционный ландшафт в отношениях ЕАЭС и КНР далеко не в полной мере соответствует интересам обеих сторон. Китай заинтересован в расширении своего присутствия не только в секторе добывающей промышленности, но в сфере ретейла, транспорта, строительства. Для государств — партнеров России по ЕАЭС дополнительный приток китайских инвестиций является значимым фактором экономического роста и повышения конкурентоспособности национальных экономик. В частности, стратегически важным для ЕАЭС является интерес китайских инвесторов и приток капиталовложений в сектора обрабатывающей промышленности, инфраструктуры, сельского хозяйства, высокотехнологичных отраслей экономики.

Главным узким местом сопряжения интеграционных инициатив остается слабость финансового сотрудничества, которое должно быть многократно углублено и расширено как в традиционном банковском секторе, так и в смежных сферах, таких как страхование, фондовые рынки и другие области финансового сектора. Необходим перевод трансграничной торговли и совместной инвестиционной деятельности на расчеты в национальных валютах, что будет способствовать более тесному финансовому взаимодействию, интеграции финансовых рынков и межбанковскому сотрудничеству. Так, доля юаня в обслуживании российского импорта из Китая увеличилась с 2% в 2013 г. до 25% в 2019 г., в то время как доля рубля за этот же период выросла незначительно — с 4 до 6%. Для наращивания доли якорного для ЕАЭС российского рубля в торгово-экономических отношениях с КНР и шире — с государствами

¹ По данным Департамента ЕЭК по статистике.

² Международная инвестиционная позиция (МИП) Казахстана на 1 января 2020 г.

³ ЕАЭС и страны Евразийского континента: мониторинг и анализ прямых инвестиций, 2017.

⁴ Потоки и запасы прямых инвестиций по странам мира [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/stat_tables/Documents/Flows_stocks_di/flows_stocks_di1Q2020.xlsx (дата обращения: 09.09.2021).

ОПОП — необходимо обеспечить ряд технических условий, таких как: интеграция национальных платежных систем, хеджирование валютных рисков, обеспечение глубокой биржевой ликвидности по прямым валютным парам. На фоне разрушения сложившихся механизмов международного валютно-финансового и торгово-экономического сотрудничества под влиянием предпринимаемых властями США антироссийских и антибелорусских санкций и торговой войны против Китая ключом к долгосрочному росту значимости национальных валют выступает обеспечение опережающего роста за счет диверсификации экономик и снижения макроэкономической волатильности.

Системность в сопряжении ЕАЭС и ОПОП предполагает реализацию выверенной по направлениям и приоритетным сферам взаимодействия дорожной карты. Что необходимо предпринять?

Во-первых, учесть мероприятия сопряжения в рамках системы стратегического планирования развития ЕАЭС, включая оценку экономических эффектов от их реализации для государств — членов ЕАЭС и сценарные прогнозы развития национальных экономик. В рамках данной работы предусмотреть оценку рисков для различных составляющих сопряжения ЕАЭС — ОПОП: реализация транзитного потенциала ЕАЭС; двустороннее или многостороннее сотрудничество с прицелом на высокотехнологические сектора, развитие всестороннего стратегического партнерства, включающего в себя сотрудничество по широкому перечню направлений и отраслей.

Во-вторых, важно сформировать систему финансирования мероприятий сопряжения ЕАЭС — ОПОП путем создания совместных инвестиционных фондов, фондов развития, грантовой поддержки, прямого государственного и частного финансирования, механизмов межгосударственного частного партнерства. Сферы финансирования могут определяться в том числе с учетом действующих стратегических документов развития ЕАЭС. Для этого необходимо: разработать и внедрить специальные инвестиционные и налоговые режимы для реализации совместных проектов; сформировать эффективную модель финансирования в рамках решения задач сопряжения ЕАЭС — ОПОП, а также с целью минимизации рисков «китайского» типа финансирования (связанный характер кредитов, непрозрачность условий сделок и др.); создать совместный фонд для точечного финансирования проектов по линии сопряжения; сформировать на уровне ЕАЭС систему продвижения инвестиционных интересов и проектов стран Союза в КНР. Здесь целесообразно обратиться к опыту использования совместной грантовой системы. Одним из примеров формирования совместных институтов финансирования на грантовой основе является Европейско-китайский механизм софинансирования (The EU-China Co-Funding Mechanism, CFM) — инициатива, запущенная в 2015 г. с целью поддержки совместных исследовательских и инновационных проектов между университетами, научными учреждениями и компаниями ЕС и Китая в областях, представляющих общий интерес.

Для придания масштабности и многомерности экономической кооперации между государствами ЕАЭС и странами ядра нового мирохозяйственного уклада необходимо задуматься над формализацией долгосрочного сотрудничества. Представляется, что наиболее удобной формой является создание межгосударственных научно-технологических и инвестиционных консорциумов (фондов). Такие консорциумы могли бы осуществлять крупные — евразийской значимости — проекты в сфере транспорта, логистики и инфраструктуры. Образующим консорциумам можно было бы предоставлять в концессию транспортные коридоры для сооружения дорог и развития прилегающей к ним территории, а финансирование инвестиций осуществлять за счет размещения облигаций на финансовом рынке государств ОПОП и ЕАЭС, привлечения кредитов Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Фонда Шелкового пути (ФШП), Нового банка развития БРИКС (НБР) и Евразийского банка развития (ЕАБР). Необходимо также определить роль уже существующих совместных с КНР целевых инвестиционных фондов: Китайско-белорусского инвестиционного фонда, Фонда регионального развития китайско-армянских отношений, Совместного казахстанско-китайского инвестиционного фонда, Российско-китайского инвестиционного фонда.

Перспективной повесткой работы ЕЭК по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. определено одно из ключевых мероприятий «Создание механизма реализации совместных инфраструктурных проектов, инвестиционных и научно-технологических консорциумов» (пп. 6.4.7 Стратегии). Эта основа позволяет обобщить отечественный и зару-

бежный опыт формирования таких структур, разработать типовые формы многосторонних контрактных соглашений, подготовить конкретные предложения по реализации пилотных проектов. Важно при этом оценить целесообразность создания евразийской юрисдикции для совместных проектов и консорциумов и разработать прозрачные и однозначно трактуемые механизмы урегулирования споров между инвесторами-участниками. Для этого целесообразно в том числе провести анализ опыта запуска и функционирования Международного центра приграничного сотрудничества «Хоргос» (Казахстан — КНР) и парка «Великий камень» (Беларусь — КНР).

Синергетика институциональных, нормативно-правовых и регулятивных мер при активном участии ЕЭК и многосторонних институтов развития позволит наполнить содержанием формулу сопряжения интеграционных инициатив и оформить контуры БЕП. Нередко эксперты, обсуждая экономическое устройство Евразии, указывают на отсутствие оформленной концепции БЕП. Позволю себе с ними не согласиться. Автор настоящего материала уже три года назад представил широкой общественности соответствующую концепцию с принципами многостороннего сотрудничества и предложениями по интенсификации работы в направлении формирования трансевразийской зоны гармоничного экономического сотрудничества. Однако, учитывая многогранность конструкции БЕП, мы не можем здесь и сейчас определить, каким сложится это партнерство, какие многосторонние механизмы гармонизации интересов стран станут преобладающими, какие проекты образуют каркас БЕП в среднесрочной перспективе. Пока предлагается определить строительство БЕП как последовательный процесс формирования пространства доверия, нехватка которого так остро ощущается сегодня. С другой стороны, понимание БЕП как новой возможности вести диалог по вопросам формирования в Евразии бесшовного пространства равноправного и взаимовыгодного сотрудничества позволяет осмыслить эту концепцию с позиции экономических интересов. В числе таких проблемных зон — несоординированность национальных стратегий развития, нестыковки технических стандартов, вопросы региональных финансовых взаиморасчетов, дефицит информации, необходимость скорейшего восстановления экономики, создание новых производственно-сбытовых цепочек, формирование условий для перехода к новому технологическому укладу.

Перспективной, с моей точки зрения, является трактовка БЕП как интегратора общих пространств — экономического, гуманитарного с совместной повесткой в сферах культуры, науки и образования, а также пространства безопасности. Чтобы эти три «кита» стали полноценными несущими конструкциями партнерства, очевидна необходимость подключения к намеченной работе ШОС, ОДКБ, АСЕАН, имеющих свои управляющие органы, а также осмысление опыта формирования широкой зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском экономическом сотрудничестве (АТЭС) — Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП).

Кроме всего прочего, по аналогии с евразийской экономической интеграцией в рамках ЕАЭС, которую не следует воспринимать как самоцель, а как инструмент реализации национальных конкурентных преимуществ, БЕП также не должно превращаться в мифическую «шкатулку», открыв которую находчивый стратег обретает универсальные рецепты достатка и гарантии безопасности. Напротив, как показано выше, партнерство пока является набором переменных, подверженных факторному влиянию геополитического, экономического и мировоззренческого свойств. Однако, если смотреть на этот интеграл как на инструмент, то он при правильном освоении обращения с ним может быть неплохим подспорьем для демпфирования рисков догоняющего развития на периферии двух технологических зон — европейской и китайской. Подчинив этот инструмент интересам союзного строительства, появляется возможность аннигиляции объективного воздействия на приращение нашего экономического и научно-технологического развития за счет переработки «их» лучшего в конкурентоспособное «наше».

При всем разнообразии форм и механизмов субрегиональной и континентальной экономической интеграции (за исключением процессов в сегодняшнем ЕС) все они исходят из представления о суверенитете и субъектности интегрируемых государств, ориентированы на общее понимание взаимной выгоды и недискриминацию одних по отношению к другим. Такой подход полностью соответствует философии интегрального мирохозяйственного уклада. В отличие от уходящего — имперского уклада, исповедующего доктрину либеральной глобализации, новый уклад (называемый также «Азиатским циклом

накопления капитала») сегодня формируют Китай, Индия и другие страны БРИКС и ШОС. Не соглашаясь с несущим постулатом т. н. «Вашингтонского консенсуса» о дерегулировании экономик, эти страны с теми или иными оговорками создают систему управления экономическим развитием, сочетающую государственное планирование и рыночную самоорганизацию, подчиняя свободу предпринимательства задачам повышения общественного благосостояния. Не максимизация прибыли любой ценой, характерная для имперского мирохозяйственного уклада, а наращивание производства для повышения уровня жизни населения, исходя из принципа гармонизации интересов различных социальных групп, является движущим мотивом производственных отношений нового мирохозяйственного уклада.

Сергей Глазьев, *главный редактор, академик РАН*

